

«Душа славянского разлива»

Современный литературный процесс — это постоянный поиск новых форм художественного выражения. Наше время, время стремительного развития информационных технологий и «борьбы» печатного слова с виртуальным вынуждает писателей отходить от проторенных классической белорусской литературой дорог и тропок и пытаться творить по-особому. Чаще всего это не является новшеством, а выражается в заимствовании художественного опыта мирового наследия. Некоторые авторы в погоне за новыми формами забывают о главном — содержании произведения. Например, на фоне модного ныне подражания восточной традиции стихосложения стали плодиться примитивные произведения, в которых существует только внешнее сходство с тем или иным жанром и утрачивается смысл, ради чего и пишутся эти четыре-пять строчек, в которые известные восточные поэты-мудрецы вкладывали свое тонкое мировосприятие, мироощущение и великие истины. Эстетика, искренность, содержательность и хороший художественный язык — основные слагаемые поэзии, способной пробудить живое чувство отклика в наших зачерствевших в борьбе с земными трудностями сердцах. Высшая истина, которая нелегко дается простому смертному, открывается поэту, обладающему Божьим даром, и он щедро делится ею со всеми жаждущими. Перед сном при мягком свете лампы душа просит не образчиков новомодной поэтической теории, а стихов с человеческими страстями, наполненных радостью жизни и энергией, способной зажечь нас своим волнением, тревогой, где «каждое слово рождается впервые», но где все родное и понятное, таких, как у Татьяны Лейко:

Вот и кончилась печаль,
радость началась.
Вьется дым, горит очаг,
теплится зола.
И пока не стану сном —
все мое. Пока
я не ветер за окном
и не облака.
И пока в моих очах
белый свет стоит,
все не дремлет мой очаг,
все огонь горит.

Первое мое знакомство с творчеством этой поэтессы произошло в начале 2003 года. Небольшая, скромно оформленная книга стихов «Сентябрь обетованный» попала мне в руки в печальные для меня дни. Открываю первую страницу: «А это просто жизнь живая // болит, как рана ножевая. // И черно-белая зима // невыносима, как тюрьма»... — и слезы неудержимым потоком хлынули из моих глаз. Эти строки нечаянно легли на острую и свежую боль утраты отца и отпечатались в моей памяти навсегда. В 2009 году в издательстве «И. П. Логвинов» вышла новая книга Татьяны Лейко «Ветра евразийские». В сборник вошли стихи разных лет, и получилось по сути своеобразное собрание сочинений автора, куда помимо поэзии помещены и ее переводы, и проза, правда, последняя заняла очень скромное место, поэтому поговорим лишь о поэзии.

Судьба поэта отражена в его творчестве: «И, видно, впрямь судьба поэта — // роман на тысячу страниц». Поэтические произведения открывают ее сокровен-

ный мир, помогают по крупицам воссоздать картину жизни. То, что эта поэтесса, живущая в Беларуси, родилась в России и с родиной ее связывает неразрывная нить, чувствуется по тематике многих стихов:

Пожить бы с холодом во лбу,
да не испытывать судьбу,
да не белить себе виски —
от тех, что не были близки.
Но пусть «Лучину» запоют,
кручину водкою запьют...
Закреть бы душу на засов,
да не от ваших голосов.
И нет сильнее ничего,
чем это кровное родство,
да на плече моем рука,
да песня — русская тоска.

Богатое природное дарование, подкрепленное жизненным опытом и зрелостью ума, позволяет Татьяне Лейко успешно работать в разных жанрах: ей подвластна и интимная лирика, и гражданская, а наличие чувства юмора породило ряд шуточных стихов. Надо отметить, что гражданская лирика Т. Лейко звучит на очень высокой ноте. Многие произведения затрагивают проблемы всей великой страны, в которой мы с вами еще совсем недавно жили. Стихи в сборнике не датированы, но для одного автор сделала исключение, под ним стоит дата: 1990 г., — чтобы не сомневались, что именно об этом переломном периоде идет речь. Человеку, как правило, трудно переносить исторические катаклизмы, здесь как раз и показано то, что было выстрадано всем многонациональным народом, а многое переосмыслено самой поэтессой, передумано ею бессонными ночами: «Чувство родины... Чувство потери... // Чувство страха и чувство вины. // И открылись железные двери // потерявшей рассудок страны. // Ни опоры, ни дали, ни цели... // Только память больших лагерей: // И уже никакой панацеи, // кроме этих открытых дверей». Голос памяти и современная действительность переплелись и завязались в тугой поэтический узел и в другом стихотворении:

На русском костяке, точнее, на костях
построена страна, что свой спустила стяг.
И что теперь жалеть, обломки собирая,
и на Восток глядеть из Западного края!

...

Не поздно ли ползти к забытым алтарям?
Как в голубом снегу, сияет русский храм.
Прийти — и умереть, шагнув через порог,
и воспарить душой к тому, чье имя: Бог.

Воспоминания о родине, о России неизменно присутствуют в творчестве поэтессы, они разные по накалу чувств, по эмоциональной насыщенности. Легкие, светлые и теплые посвящены детству: «Взмахнула белым рукавом, // упала в синие леса. // О, снова детства моего // разбуженные голоса! // Ах, зима моя, уралочка, // чистый иней на бровях, // капли розового солнца // снегирами на ветвях». Период разлуки с родиной выписан иными красками: «Мы на жертвенник новый // восходили с тобой. // И за русское слово // заплатили судьбой». Судьба России — это ее судьба, и уже не важно, хороша она или тяжела, — родину не выбирают. В стихах об эмигрантах, дорогих ей людях, кто, покидая страну, увозил частичку ее сердца, мы находим слова, слетенные из удивительно противоречивых чувств: «Вас провожаю в тьму событий... // Ну что ж, оттуда нас любите — // страну, где долго не живут. // ... Да и живем, как умираем... // Страну, что быть могла бы раем, — // арену классовой борьбы. // Где мы гнием или сгораем, // не уклоняясь от судьбы». В отношении родины повторяются эти

неблаговидные определения: горит, спалит, гнием, сгораем, но, тем не менее, о собственной эмиграции речь не заходит, а наоборот, она уже причисляет себя к ряду «эмигрантов невольных». В стихотворении «Письма в Россию» поэтесса открывает свою душу, в которой такая неизбывная тоска по родине:

Я пишу тебе письма на родину, где
позабыли давно эмигрантов невольных.
Мы с тобою как щепки плывем по воде.
Кто за это ответит на страшном Суде?
Кто решал наши судьбы в парах алкогольных?

Я пишу тебе письма на родину — там
мое сердце болит и душа леденеет.
И дыханье мое по бескрайним лесам
зимним ветром летит, летним сумраком веет.

Мы уже пережили разлом и распад.
Дайте ранам зажить и умолкнуть рыданиям!
Вот зачем мои письма летят и летят —
вас обнять перед самым большим расставаньем.

Строки, посвященные родине, подчас полны горечи и тоски, но, проникнутые гордостью за ее просторы, неизменно прекрасны и величественны: «Нам не мечтать о веке золотом... // Но родина — ракиновым кустом // неопалимым // горит в душе — и душу мне спалит. // Закат холодный по небу разлит, // и облака бредут, как пилигримы. // Проходят мимо годы и века. // Но родина, как песня, широка, // она прощает правых и неправых // и соберет нас под свое крыло // в раю небесном...»

А вот особый пласт творчества Т. Лейко — стихи о великих городах, гордости России. Какие разные чувства владеют автором при воспевании их: «А все-таки Москва, // Москва была вначале!» — повествует она. Мы, родившиеся в СССР, как принято сегодня говорить, непроизвольно тянемся к этому вечному городу, с ним связаны наши особые воспоминания, минуты счастья. У поэтессы свои мысли о Москве, у нее город наполнен суетой и вокзальной суетолокой: «Вокзальная молва, // сердечное затмение... // Но все стоит Москва, // как камера хранения. // Забрать бы чемодан, // восторгами набитый! // Жаль, он навеки сдан. // Все шифры позабыты».

Петербург, Петроград, Ленинград, Санкт-Петербург... Как ни именууй этот город, волшебное содержание его от этого не меняется. Его удивительный облик создают архитектурные ансамбли, очаровательные улочки, набережные, парки и скверы, колдовство белых ночей. Богатая и героическая история города, его уникальная художественная ценность, всеобъемлющая гармония вызывают восхищение и восторг: «Над Невой, сознание ширя, // ночи белые плывут. // О другом каком-то мире // тихо ангелы поют». Другой мир — это город-мечта, город-счастье, который соединил в себе лучшие черты многих европейских городов, но при этом его индивидуальность поддерживается и новым поколением петербуржцев. Строки об этом городе у Т. Лейко получились удивительными, ей удалось найти красивый образ — серебряную, серебристую нить, и соединить ею прошлое с настоящим, современность и старину, и соединение это не видимо глазу, оно ощущается только интуитивно:

Что там в Питере? Дождь, вероятно.
Лишь Исакий блестит в полумгле.
Напиши мне, чтоб стало понятно,
чем мы жили на этой земле.

Может, только серебряной нитью
между сердцем и сердцем, когда
увозили мечты и события
в непроглядную даль поезда.

Не рассыплются старые стены,
нашу боль принимая на грудь.
И спасет от душевной измены
достоевская желтая муть.

И надломленным душам не надо
от финляндских ветров уходить.
Разве только до Летнего сада
дотянуть серебристую нить.

Жизнь во вселенной развивается благодаря любви, по законам любви, и любовь красной нитью проходит через все творчество Татьяны Лейко. Любовь в ее стихах очень разная: противоречивая и сомневающаяся, реальная и неземная, счастливая и не очень, но это живое движение ее чувств; палитра эмоций поэтессы красочная и яркая, тонкая и возвышенная. Настоящие женщины живут сердцем, и стихи их рождаются с любовью и из любви, из сердечной привязанности и женской мудрости, порой простые и неискушенные: «Тоску вечернюю глотая, // шататься там, где нет пути... // Ну вот, такая жизнь простая... // С ума бы только не сойти», но добрые, чистые и светлые, как утренняя роса: «Какая вечная причина // безумствовать и слезы лить! // Я женщина, а ты мужчина, // но жажды мне не утолить. // А я иду, куда не звали, — // на пир обиды и печали, // на тот мучительный обряд, // где не словами говорят». В каждом из нас живет доброе и злое начало, грешные и святые мысли, любовь и ненависть. Классический закон единства и борьбы противоположностей нашел отражение в нижеприведенных строках Т. Лейко: «Я о любви — ты о свободе. // Ты о душе — я о природе. // Моя мечта недостижима. // Твоя душа неотторжима // от плоти, от земли, от рода... // А мне сухой паек — свобода». Мужчина и женщина — два противоположных полюса, две удаленные друг от друга планеты, но от этого сила их взаимного притяжения еще крепче. Удивительное по своей ритмике стихотворение, без знаков препинания, где текст идет на одном дыхании, чтобы быстрее выговорить и высказать то, что так болит: и свою надежду, и свою муку, и свое ожидание, и готовность ко всему, но все заканчивается счастливо, радость переполняет сердце и восклицательный знак венчает happy end: «И вспомнишь жалея // и вспомнишь желая // в холодную осень // стоишь ожидая // у стенки бетонной // у двери стеклянной // что сбудутся муки // откроются раны // но вот он приходит // с насмешливым взглядом // и улица райским // становится садом!» Любовь и разлука — две спутницы в таинстве соединения двух сердец, мужского и женского: «Закон на вашей стороне. // Но у любви — свои законы. // Вы скажете: «Мы с ней знакомы». // А я скажу: «Он дорог мне».

Многие стихи о любви написаны легко, словно тончайшим перышком, и хотя любовь эта не всегда счастливая («Любовь — ведь это горшая беда», — восклицает поэтесса), но создается впечатление воздушности стихов, их прозрачности, сказочной притягательности: «Не любовь, не обуза, // не душа и не тело — // то для вас моя муза, // словно птица запела. // Но не сад здесь зеленый, // не шелковые травы... // Вы бы птице залетной // подсвистели хотя бы». Читаешь такие строки — и словно перебираешь нежные розовые лепестки или купаешь кончики пальцев в шелке и слушаешь музыку: «И снова под знакомый джаз, // за память-музыку держась, // сюда невольно возвращаюсь... // Не выпускай меня из рук! // Мы повторим все тот же круг, // мы ту же музыку поставим. // И я приду и повторюсь, // и оттолкну, и покорюсь, // и вновь друг друга мы оставим. // Не выпускай меня из рук, // пока — нечаянно и вдруг, // и беспечно, и беспечно. // Пока еще я молода // и ухожу не навсегда // и возвращаюсь не навечно». А вот еще: «Я приеду в твой город, в холодный рассвет. // Погляжу — а прошла уже тысяча лет. // Как хотела вернуться я в эти места! // Мы здесь музыку лета читали с листа». Мы способны жить мыслями и чувствами поэтессы, сопереживать ей, и главное, мы примеряем ее картину мира на свою жизнь и живем уже своими мыслями и своими чувствами, и эти слова произносят уже наши уста: «И неважно, что годы // как с ветки листва, — // ведь однажды раздастся // малиновый звон, // голос твой поцелуем // коснется лица... // Не жалейте меня — зазвонит телефон!»

Эмоциональность и искренность, мудрость и жизнестойкость в совокупности с талантом характеризуют творчество многих известных русских поэтесс. Так уж сложилось на наших прекрасных славянских просторах, что спокойная жизнь «нам только снится», поэтому многое в стихах — о наболевшем, пережитом. Вот и эти строки могли бы написать и Марина Цветаева, и Анна Ахматова, но вышли они из-под пера Татьяны Лейко:

Мой бедный грош — кому я подаю!
 Есть у тебя и серебро и золото.
 Но бедность не осмеивай мою.
 Есть у меня душа — и конь крылатый.
 Есть сила в женской слабости моей
 и в унижении моем — гордыня.
 Вошла любовь — и я склонюсь пред ней,
 как грешница перед святыней.

Восприятие красоты природы является естественной и постоянной частью духовной деятельности человека. Пейзажная лирика Татьяны Лейко отражает тонкое понимание ею окружающего мира, что выражается в изяществе и изысканности строк: «Время катится желтым листом, // и прощание мир изменяет. // Это осень меня осеняет // своим плавным, широким крестом». Зима, снегопад, метель желанны ей, успокаивают и навевают сладкие сны, поэтому зимние посвящения получились такие нежные и немного грустные: «О, прилетела б хоть одна // заблудшая метель! // Но улица темным-темна // и холодна постель. // Как сладко спать под снегопад, // забыв весь бред дневной... // А нынче только дети спят — // в обнимку с тишиной». И еще: «То ли ветер подул, да не с той стороны, // то ли хочется жить, то ли жизнь надоела. // Расскажи мне хоть раз эти зимние сны... // Видеть их без тебя — слишком грустное дело».

Видимо, с легкой руки М. Цветаевой, сказавшей о рябине: «Рябину // Рубили // Зорькою. // Рябина — // Судьбина // Горькая. // Рябина — // Седыми // Спусками... // Рябина! // Судьбина // Русская», Т. Лейко, в творчестве которой нельзя не почувствовать цветаевские мотивы, посвятила многие строки этому русскому символу женской доли: «Это осень, моя осень красным золотом горит. // И замерзшая рябина алой бусиной звенит»; «У рябины терпкий вкус, // у рябины зрак кровавый. // Подари мне низку бус — // словно гроздь рябины ржавой». И еще одно осеннее: «Ничего не хочу. Пропади // пропадом. // Вот и осень пришла. И дожди // шепотом. // И рябина сквозь морок горит // поутру. // Вот и я стою — ворот открыт — // на ветру». И даже зимняя картинка расцвечена рябиновым светом: «Тревожной алостью рябин // недаром вспыхивает снег». Зарисовки природы, созданные точными мазками мастера, перекликаются с ее состоянием души: «Все лишнее — радость и слезы, // когда тишина на реке, // когда полыхают березы // и утро горит на песке»; «Все вернется, и лето вернется, // полыхнет своей юбкой цветной. // И печаль от тебя отвернется, // чтобы вновь возвратиться весной». И как последний сильный аккорд звучат слова единения автора с природой, осознание себя ее малой частичкой: «Я — капля из северных рек, // сосны золотая иголка, // над рельсами реющий снег, // бессонницы жесткая полка... // И жаль, что родиться опять // нельзя под Полярной звездой, // где вечно — гора Благодать // над жизнью, всегда молодой». Мироздание развивается по законам красоты, и найти такие прекрасные слова — большая удача автора. Какое счастье, что такие стихи еще пишутся!

А как пишутся стихи? Из чего вырастают «строчек нежданных волшебные всходы»? Поэтическое творчество — дело сокровенное. М. Цветаева отмечала в свое время: «Стихи — как все, что чрезвычайной важности (и опасности!), — письмо зашифрованное». Попробуем расшифровать творческую «кухню» Татьяны Лейко, выяснить ее главные составляющие. О многом мог бы поведать белый лист в ее руках, когда он, проходя замечательный путь от первозданной чистоты до исписанности и исчерканности, достигает, наконец, завершенности и предстает

на суд читателей. «Узнавайте меня, узнавайте // по любимым стихам дорогим», — восклицает поэтесса. А вот как она сама описала сотворение своего поэтического мира: «Еще немного — и стихи // прольются в белое пространство, // как неизжитые грехи // и вечной страсти окаянство». Для нее рождение стиха стоит вровень с рождением ребенка: то же чудо, к которому невозможно привыкнуть, чистота и совершенство: «Стихи зарождаются в чистом пространстве // из зернышка веры и страха горчинки, // из утренних снов и полуночных странствий». Она размышляет о месте творца в огромном мире, задумывается о своей миссии как поэта: «О, жил бы каюсь и греша, // как и положено поэту... // Но вольная летит душа // туда, туда, навстречу свету». У каждого человека бывают периоды особых переживаний, печали, отчаяния. Процесс творения очень зависит от душевного состояния автора: «Куда исчезла музыка души? // Стихи оставь и прозу не пиши. // Ведь Бог простит, а людям все едино. // Перегорела лампа Аладдина. // Рассеялось былое колдовство. // С дождем и ветром странное родство // как прежде трогает, но не рождает звука. // Все гасит шепоты молчаливица-разлука». Леонардо да Винчи сказал когда-то, что любой творческий человек, как правило, одинок. Ведь все, что есть помимо творчества, отвлекает. Не поэтому ли в сборнике «Ветра евразийские» мы читаем: «Но в одиночестве поэт // космическую ловит строчку. // Но в одиночестве глядишь // в израненную душу мира, // пока заря с осенних крыш // стекает медленно и сиротливо. // И голос твой всегда один // над огнедышащей судьбою, // под сумраком небесных льдин // скитается... // И Бог — с тобою». Поэзия занимает большое место в жизни Т. Лейко, но все-таки она не отождествляет свою жизнь со своим творчеством, оставляет некоторое свободное пространство, о котором и оповестила нас следующими строками: «Это маленький зазор // между жизнью и стихами — // бестолковый разговор, // непослушное дыханье... // Это маленький зазор // между словом и судьбою, // бесконечный коридор // между небом и землею».

Поэтическая лента Татьяны Лейко разматывается перед нами постепенно, и так же постепенно открывается нам ее прелесть. Близко познакомившись с творчеством поэтессы, можно сказать, что ее взгляды на жизнь четко прослеживаются в мыслях, легших на бумагу, поэтому трудно оставить без внимания следующие строки: «Пускай пылают запад и восток, // ведь все равно для жизни нету места», и это, похоже, не проходная фраза, а выстраданная истина. Поскольку автор этих строк живет в Беларуси, попробуем разобраться, в чем дело. Наша страна, находясь на оживленных географических перекрестках, всегда была очень открытой, терпимой к другим нациям. У белорусов интернационализм заложен на генетическом уровне, а русские срослись с белорусами давно и прочно, отношения наши основаны на уважении и дружеской любви. Поэтому вызывает сожаление то, что Т. Лейко не вдохновили белорусские национальные ценности, в ее творчестве совершенно не чувствуется белорусского духа, а в стихах, слегка коснувшихся белорусской темы, звучат лишь прощальные мотивы и какое-то легкое высокомерие: «Засим прощайте, белорусы! // Уходим мы в свои улусы // и надвигаем купола // на лбы славянские просторные. // Вдали растают пики горные // костелов ваших... // Варшава, задний двор Европы, // опять зовет тебя в холопы. // На Западе — смешенье рас... // Душа славянского разлива! // Навряд ли будешь ты счастливой». Мы живем уже в другом измерении, времена изменились, эпоха тоталитаризма осталась в прошлом, мы переболели этой болезнью, и жизнь предоставила нам большие возможности: сегодня можно не только путешествовать по всему миру, но и свободно переселиться. Нет нужды расписывать красоты и достоинства нашей страны, она любима и воспета многими поколениями поэтов, но хочется, чтобы чувство свободы в пространстве, подкрепленное возможностью выбрать себе место жительства по душе, освободило Татьяну Лейко от ощущения быть постоянным «эмигрантом невольным», это значит, хочется пожелать ей настоящего счастья, чтобы она со стороны по-новому смогла взглянуть на Беларусь, ее историю, народ, и тогда обязательно найдутся темы для посвящения Беларуси и белорусам, и эти произведения будут прекрасны.